

Уранов Геннадий Васильевич
*Чрезвычайный и Полномочный Посол,
Заслуженный работник дипломатической службы России,
профессор МГИМО*

И много, много... и всего припомнить не имел он силы!

М.Ю. Лермонтов.

ПОЛВЕКА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ МГИМО

Прежде чем взяться за написание моих воспоминаний о МГИМО, о проведенных в нашей alma mater шести годах, а затем и о промчавшемся полувеке со дня, когда наш курс покинул «Старый дом у Москвы-реки», я разыскал традиционную общую фотографию курса, сделанную незадолго до того, как все мы стали его выпускниками с гордым в те годы титулом «мгимовец».

Поначалу внимание на фотографии прежде всего привлекают лица ректора М.С. Иванова и декана С.А. Гонионского, но затем взор обращается к ликам двух легендарных наших, любимейших профессоров С.Б. Крылова и В.Н. Дурденевского. Эти четыре мэтра окружены 107 маленькими кружками, напоминающими круглые иллюминаторы некоего лайнера с хорошо просматриваемыми юными студенческими лицами: в большинстве своем ребят, малочисленных, увы, девушек, в основном граждан СССР, но и ряда молодых граждан тогдашних социалистических стран Европы и Азии. Таково было лицо выпуска западного факультета МГИМО 1957/58 учебного года.

Но в наши дни, уже в XXI в., на лицо это смотришь с неизбежной грустью — давно покинули этот свет четыре названных мною больших ученых, да и из числа выпускников 1958 г. нет уже с нами более трети «тогда веселых, молодых».

По-разному сложились судьбы и жизни ребят и девчат, но лично я твердо считаю курс удавшимся, оправдавшим надежды и государства, и наших педагогов, и самих студентов. Конечно, не обошлось и без сбоев, трагических случайностей, не все сумели одолеть высокую жизненную планку. Но главное, что осталось в наших

сердцах и памяти, — это глубокая искренняя благодарность к нашей alma mater, ощущение того, что, проучившись в ее стенах шесть лет, мы вытащили счастливый билет на лотерею жизни. Кажется, это особенно ясно тем из нас, кто дожил до 50-летнего рубежа полнотелой и полнотелой жизни, у кого за плечами теперь долгий, наполненный и большим трудом, и успехами, и неудачами, и достижениями путь, о котором лично я не жалею и был бы не прочь еще раз повторить, хотя пролегал он по трудным, по разным эпохам существования планеты, СССР и России. Что было — то было. И МГИМО на этой Земле оказалось для нас завидным стартом, хотя попасть на эту стартовую площадку было не так-то просто...

С чего все начиналось...

Родился я в Москве, в самом ее центре, 22 сентября 1934 г. у сравнительно молодых родителей-москвичей — Василия и Марии Урановых. Я был и остался их единственным ребенком. Наша небольшая семья прожила более 30 лет в одной и той же маленькой коммунальной квартире в огромном доме, построенном накануне Первой мировой войны. Это и поныне существующий красивый шестиэтажный дом № 1 по улице Солянка, которая по праву считается одной из самых старинных столичных достопримечательностей, где в седую старину веков со временем вписался, по счастью, не слишком навязчиво, архитектурный модерн конца XIX, а потом и XX в. Улица моя прославилась, помимо прочего, и тем, что никогда не меняла своего названия, что, увы, часто случалось в Москве да и вообще в России. От того моего дома меньше десяти минут ходьбы до знаменитой Красной площади, до Кремля, до Москвы-реки и впадающей в нее Яузы. Совсем рядом было и здание бывшей штаб-квартиры теперь уже ушедшей в былое Компартии Советского Союза — здание ее Центрального Комитета. Столь же недалеко и печально известная площадь Лубянка с расположенным на ней комплексом зданий бывшего грозного КГБ.

Но в мои детские и юношеские годы главными для меня были, разумеется, другие адреса. Это прежде всего моя школа № 661, находившаяся у Бульварного кольца, рядом с Покровскими воротами, в тихом и старинном Колпачном переулке (когда-то здесь жили и работали шляпных дел мастера). Это и Политехнический музей, куда я часто бегал на разные выставки и лекции знаменитых ученых. Это и находившаяся на тогдашней улице Разина (ныне Варварка) по пути к Красной площади Государственная библиотека иностранной литературы, а также расположенная рядом с моим

жилищем Государственная публичная историческая библиотека в Старосадском переулке (он тоже никогда не менял своего названия). Упомянутые мной музей и библиотеки, где я провел много часов и дней в сороковых и пятидесятых годах, сыграли большую роль в формировании моих взглядов на жизнь, на мое образование и воспитание.

Я должен был поступать в школу в 1941 г., но 22 июня грянула Великая Отечественная война. Все военные годы (1941—1945) я провел в Москве, переживая вместе с моими сверстниками, да и со всеми жителями советской столицы тяготы военных лет — и вечный голод, и холод, и нехватку самых элементарных жизненных благ. Но с 1 сентября 1942-го двери московских школ все же вновь открылись для нас. Не приостанавливалась на всем протяжении войны культурная и интеллектуальная жизнь столицы, в том числе нормально функционировали многие театры (главными для нас были, естественно, детские), кинотеатры, музеи, библиотеки, регулярно проводились детские праздники и необыкновенно радостные новогодние елки на площадях и улицах города, главная из которых устраивалась в знаменитом Колонном зале Дома союзов.

Детству, несмотря на все жизненные невзгоды, свойствен естественный оптимизм. Нас согревала в те трудные годы бескорыстная детская дружба, радовали иногда не совсем уж невинные проказы, навеянные климатом военного времени, коллективные поездки за город, доморощенный футбол, походы на лыжах и на очень популярные тогда городские катки. С 1943 г. в стране ввели раздельное обучение в школах для мальчиков и для девочек. Но нас объединяли, несмотря ни на что, знаменитые московские двory, где резвились смешанные детские стайки, не давая нам впасть в уныние или горькое одиночество, утонуть в переживаниях по поводу неизбежных в условиях войны потерь.

Быстро летели школьные годы. Кстати сказать, даже в то трудное время нам, начиная с третьего класса, преподавали иностранные языки. В моей школе это был французский. И мне очень повезло — его преподавала в моем классе воспитанница парижской Сорбонны Н.Н. Федотова. Благодаря ей и случайной по тогдашним годам послевоенного «железного занавеса» языковой практике (мне доводилось еще в школе устно переводить на редких, увы, встречах с иностранными делегациями) я действительно неплохо овладел французским. И вообще, учился я на «отлично», окончил школу с золотой медалью.

К концу учебы я твердо и бесповоротно решил поступать в родившийся в 1944 г. МГИМО — Московский государственный институт международных отношений МИД СССР (теперь он стал Университетом). На грани 40—50-х гг. XX в. институт был окутан таинственностью, о нем ходило много разных мифов, но он манил к себе, как далекая и, быть может, вообще недостижимая звезда. Но кое-какая правда о нем все же просачивалась, и в конце концов я смог даже узнать, что необходимо для того, чтобы проникнуть в эту святая святых. А надо было быть комсомольским активистом (я в те годы был членом комитета ВЛКСМ школы), заручиться рекомендацией РК ВЛКСМ (там ее тоже обещали), пройти трудные экзамены и собеседование уже в институте, но тут на помощь мне пришла полученная мною школьная золотая медаль, мне пришлось сдавать лишь один вступительный экзамен — по французскому языку. Я сдал его, как мне потом сказали экзаменаторы, «блестяще». И вот я на шесть лет (1952—1958 гг.) стал студентом МГИМО. Трудная, но и счастливая пора! В институте я изучал, как и любой другой студент МГИМО, помимо большого набора юридических, исторических, философских, сугубо дипломатических и общегуманитарных дисциплин английский (который, по правде сказать, был в ту пору не столь значимым, каким он стал позже) и итальянский языки.

И вот тут-то жизнь сделала мне замечательный подарок. Дело в том, что тогдашнее советское руководство во главе с Н.С. Хрущевым, разоблачая «культ личности» умершего 5 марта 1953 г. И.В. Сталина и желая подчеркнуть свою приверженность наступившей в СССР духовно-политической оттепели, стремление как-то свернуть «железный занавес» в международных отношениях, приняло решение провести в Москве VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов летом 1957 г. Стало известно, что одной из самых крупных на фестивале будет делегация из Италии — более трех тысяч юношей и девушек. Нужно было много переводчиков со знанием итальянского языка. Тут-то и вспомнили о МГИМО как о потенциальном резерве в решении этой задачи. Нам, изучавшим итальянский, спешно расширили подготовку по этому языку, дали прекрасных преподавателей, в том числе и прямых его носителей-итальянцев, организовали хорошую практику устного перевода. Еще до фестиваля удалось поработать с некоторыми делегациями из Италии. А уж сам фестиваль стал великолепной школой для освоения живого итальянского языка, для получения навыков беглого разговора на нем, включая сюда арго и разные молодежные сленги тех лет. Все это сыграв

ло для меня в будущем великую роль, позволив мне успешно, без какого бы то ни было языкового барьера работать долгие годы впоследствии в Италии и в Ватикане.

1957 г. стал для меня особо важным не только благодаря фестивалю, но и потому, что в том году я впервые выехал за пределы СССР. И поехал я не куда-нибудь, а в... Париж. Дело было в том, что в МГИМО я специализировался по Франции и еще существовавшей тогда Французской империи. Поэтому в составе небольшой группы моих однокурсников после окончания пятого курса я был направлен в декабре 1957 г. в советское посольство в Париже. Вопреки первоначальным планам, наша стажировка затянулась, и вместо положенных трех месяцев часть из нас провели в посольстве восемь месяцев (нас задержали троих: Б. Тогулева, Е. Силина и меня). Это было связано с тем, что Франция переживала сложный момент своей истории — крах 4-й республики, возвращение к власти генерала де Голля в мае 1958 г., начало перехода к 5-й республике. Обстановка в самом Париже была сложной, мы оказались в этих условиях очень нужными посольству. Но и для нас этот продленный срок пребывания во Франции, лично и вблизи пережитые нами тогда события (иногда с риском для здоровья и даже жизни) оказались чрезвычайно полезными с точки зрения накопления дипломатического да и просто жизненного опыта. Меня лично все это укрепило в намерении непременно стать дипломатом, дало веру в собственные силы и возможность на практике применить познания, приобретенные в МГИМО.

По возвращении в Москву оставалось защитить диплом и сдать суровые выпускные экзамены. Я с этим быстро справился и получил диплом с отличием. Посол СССР во Франции С.А. Виноградов требовал моего возвращения на работу в Париж, но штатные возможности этого не позволили. Зато произошло другое «чудо»: меня — неженатого, еще беспартийного да и не имевшего тогда никакой поддержки, вдруг послали, вопреки всем кадровым канонам тех лет, на работу в капиталистическую, да еще и европейскую страну — в Брюссель. Вот и говори после этого о жесткости и тупости кадровой политики тех лет!

А дальше моя жизненная судьба на протяжении ряда «дотальянских» лет напоминала многокрасочную мозаику: я поработал в 1959—1961 гг. в нашем посольстве в Бельгии, в 1961—1962 гг. трудился в МИДе, в 1962—1964 гг. учился в аспирантуре МГИМО, вел научно-преподавательскую и общественную работу, писал первые

свои статьи и книжки по истории Африки. В 1964—1967 гг. — снова работа в МИДе — в I Европейском отделе, в ведение которого входили романские страны Западной Европы, в том числе Франция и Италия. В тот период я занимался главным образом советско-французскими отношениями, важнейшим событием которых стал исторический визит в СССР генерала де Голля 20 июня — 1 июля 1966 г. В своем качестве советника МИДа я принимал в его подготовке и проведении деятельное участие. Но в конце 1967 г. я расстался с I Европейским отделом МИД СССР, чтобы уехать советником нашего посольства в Италии. С этого началась первая из трех моих долгосрочных миссий в Италии, которым я отдал в общей сложности более 12 лет. Это было мое самое длительное пребывание в одной и той же зарубежной стране, хотя в общей сложности я провел в заграничных миссиях более четверти века, т.е. примерно половину моей дипломатической карьеры, в ходе которой мне пришлось также побывать на руководящей работе в МИДе (1972—1975), поработать послом в Габоне (1978—1982), заместителем председателя, ответственным секретарем Национальной комиссии СССР по делам ЮНЕСКО (1982—1986), а также членом и заместителем председателя Исполнительного Совета ЮНЕСКО (1986—1987), послом СССР в Ирландии (1986—1991), главой государственной делегации России на переговорах с Республикой Казахстан (1992—1996), представителем РФ в Ватикане и по совместительству — при Мальтийском суверенном военном ордене (1996—2001).

Уйдя в 2001 г. в отставку (ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла я имел с марта 1983 г.), я продолжил достаточно активную деятельность на общественной, научной и журналистской ниве, стал профессором МГИМО — это стало моим четвертым возвращением в alma mater, а почему так у меня получилось, я кратко расскажу ниже.

Жизнь и деятельность МГИМО всегда были неразрывно связаны с тем, что происходило в стране. Менялась страна — это неизменно отражалось и на институте. Годы нашей учебы (1952—1958) совпали со многими потрясениями как в СССР, так и на мировой арене (смерть И.В. Сталина, пришествие во власть Н.С. Хрущева, «холодная война» и проблемы «оттепелей», Суэцкий кризис, события в ГДР, Польше, Венгрии, войны в Корее, Индокитае, многое другое). Все шесть лет учебы в институте мы переживали какие-то вечные и бесконечные реформы, перестройки, встряски. Так, поступал я на международно-правовой факультет, но в следующем

году состав студентов сократили на две трети, структуру института изменили, а в 1954 г. в него влился Московский институт востоковедения и образовались в конечном итоге всего два факультета — восточный и западный. Реформы влекли за собой перетряску педсостава, студентов, аспирантов, структур кафедр, ломку учебных программ и расписаний, передел общежитий и т.д., и т.п.

И без того трудная студенческая жизнь подвергалась новым напругам, неожиданностям, тревогам. И все же молодость брала свое — мы, в общем-то, не унывали, учились в охотку, работали на разных стройках «по разнарядке» — строили бассейн «Чайка», много потрудились на строительстве стадиона в Лужниках, который готовили к фестивалю молодежи и студентов в Москве в 1957 г., не говоря уже о традиционных и тесно нас спланивавших сельхозработках осенью и летом в подшефных МГИМО совхозах. И теперь с благодарностью вспоминается все это, и говоришь себе, вопреки былому недовольству и ворчанию: хорошо, что это было!

Конечно, это было не главное, но по жизни очень нужное и важное. А главным были, конечно, сам наш институт, этот живой и постоянно растущий организм, делавший с годами каждого из нас знающими, нужными стране и верящими в самих себя людей. Каждый из нас, выпускников МГИМО, был материалом, над которым упорно трудились десятки и десятки преподавателей, много других сотрудников института, делая это с безграничным терпением, тактом, иногда задавая заслуженные трепки, но всегда с думами о нашем будущем, о нашем душевном настрое и, конечно же, о столь нужных в жизни знаниях.

Эти мои мысли относятся прежде всего к нашим языковым преподавателям — именно они уделяли нам больше всего своего времени, именно они были наиболее близки к нам, трудились с нами чуть ли не как с собственными детьми. Я учился в 1-й академической (французской) группе. Она носила номер 1 потому, что еще на рубеже 40—50-х гг. французский был по традиции главным иностранным языком, хотя вскоре он уступил эту свою роль английскому. У нас были великолепные преподаватели (могу со знанием дела сказать то же самое и о подавляющем большинстве преподавателей всех других языков). Не могу не упомянуть хотя бы преподававших нам французский Н.А. Кашинскую, М.Н. Фанченко, Ж.К. Ишханову, Ж.А. Казакову (трудно перечислить здесь всех других) — это были не просто выдающиеся педагоги, авторы учебников, но и блистательные знатоки французского языка, для которых он был как

второй (а для Ж.К. Ишхановой — первый) родной язык. Не могу не вспомнить и Р.Б. Миньяр-Белоручева, который вел у нас военный французский спецперевод, делал он это мастерски, и именно он заложил нам основы знания и использования синхронного перевода, что лично меня много раз выручало по ходу моей дипломатической работы и когда я уже был послом в разных странах.

Как второй иностранный мы учили итальянский язык — и здесь нам преподавали замечательные педагоги А.А. Попова, Кудрец, к которым потом добавились, поскольку встала задача подготовки из нас переводчиков-итальянистов для Московского фестиваля молодежи и студентов, блистательная Ю.А. Добровольская, носители языка сестра и брат Мизиано (последний был довольно успешным исполнителем итальянских песен, и его грамзаписи пользовались в Москве немалым успехом).

Занятия французским и итальянским шли столь интересно, что помимо них мы участвовали в самодеятельности на этих языках по пьесам великих писателей, ходили в театры, когда в Москву приезжали артисты из Франции или Италии, были на концерте Ива Монтана.

Я уже дважды упомянул Московский фестиваль 1957 г. Хочу сказать чуть подробнее о его значении вообще и о его роли в моей жизненной судьбе.

Хрущевское руководство, выступив с разоблачением сталинского тоталитаризма, после XX съезда КПСС пошло на некоторые шаги, которые могли породить впечатление, что Москва — против «железного занавеса», против «холодной войны» и за «оттепель». В эту линию вписывалось и решение провести в Москве летом 1957 г. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, сделав Москву, по существу, открытым городом на несколько недель для малой толики человечества. Для работы на фестивале нужны были советские переводческие кадры. В этой связи мгимовцам стали более часто доверять переводческую работу как с делегациями, приезжавшими в СССР, так и с выездом за рубеж с некоторыми нашими делегациями. Так, в 1956—1957 гг. мне довелось поработать в качестве переводчика на сессии Лесной комиссии ФАО, проходившей в Москве и с выездами в леспромхозы под Псковом, а также с двумя жожаками итальянских молодых коммунистов из Асколи Пичено, побывавших у нас по линии Комитета молодежи организаций СССР (КМО). Опыт был очень полезен, в том числе в плане самоутверждения, проверки практических познаний во французском и итальянском

языках. Система переводческой подготовки в МГИМО была нестандартной, интересной, и дело шло хорошо. А фестиваль дал необычайно богатую практику и с точки зрения использования полученных знаний, завидного обогащения лексики, широкого диапазона всех форм перевода, включая и синхронный, и в самых разных жизненных ситуациях. Помню, например, как мне довелось, со страшным волнением, но все же успешно переводить с итальянского на русский и обратно выступления на массовом митинге у Курского вокзала с участием буквально нескольких сотен тысяч людей. Немудрено поэтому, что при государственных экзаменах в дипломе я получил признание моего итальянского в качестве первого иностранного, т.е. наравне с французским. Это был хороший жизненный задел, сослуживший мне практически на всю мою дальнейшую жизнь добрую службу.

А сейчас хочу высказать некоторые соображения по поводу того, что помогало мгимовцу стать полноценным специалистом после окончания института и почему такие специалисты пользовались в ту пору большим спросом.

Прежде всего имело важнейшее значение содержание и формы обучения в МГИМО, его мощный преподавательский корпус (ряд академиков, членкоров, виднейших профессоров — их имена широко известны как у нас в стране, так и за ее рубежами; это и все остальные педагоги — от кандидатов наук и до аспирантов). Во-вторых, важнейшим козырем МГИМО был подбор изучаемых в нем дисциплин — от десятков иностранных языков, изящно преподаваемой протокольной практики и кончая широким спектром юридических, экономических, социальных, исторических, журналистских и прочих дисциплин. К этому надо добавить активно работавшее научное студенческое общество (НСО), работа в кружках которого позволяла значительно превосходить общую учебную программу института. И еще я особо отметил бы бурную общественную жизнь института, в которую были втянуты (и это не вредило учебе!) сотни студентов. А чего стоила наша тогдашняя настенная, рукописная чаще всего, пресса во главе с зубастым «Международником», главным редактором которого долгие годы был Э.П. Плетнев. В МГИМО процветал и спорт — и многим потом по жизни и в их профессиональной деятельности весьма пригодились их институтские занятия гимнастикой, баскетболом, волейболом, футболом, теннисом...

Все это я говорю к тому, что для тех, кто хотел учиться и «расти над собой» по-настоящему, в МГИМО были все возможности —

и гармоничные, и прекрасно дополняющие друг друга. И думается мне, что именно поэтому подавляющее большинство мгимовцев — это люди с изюминкой, общительные, лишенные серой напыщенности, законно ставшие видными дипломатами, яркими разведчиками, писателями и журналистами, крупными историками и юристами, политическими и государственными деятелями. Я и в этом случае не хочу называть имена и фамилии — они и так у всех на слуху.

Хочу, однако, вернуться еще к одному вопросу, составлявшему, быть может, привилегию только МГИМО на рубеже 50–60-х гг., служившему делу подготовки достойных кадров. Я имею в виду вот какое обстоятельство.

Некоторая либерализация жизни в СССР после смерти И.В. Сталина, хрущевская «оттепель» и скорее позитивная реакция на нее на Западе дала МИДу и МГИМО редкую по тем временам возможность организовывать стажировку небольшой, правда, части своих студентов-выпускников в советских посольствах в ряде зарубежных стран, в том числе в США и во Франции.

Мне посчастливилось попасть в число таких стажеров нашего посольства в Париже. Наша небольшая группа в составе пяти человек (три «старика» и два «молодых») выехала 8 декабря 1957 г. поездом до Праги с тем, чтобы оттуда добираться до Парижа на самолете. Но нам «не повезло» — в Праге была нелетная погода, и это позволило нам на два дня задержаться в этом замечательно красивом городе, население которого в те годы было очень дружелюбно настроено к СССР, а при обращении с какими-нибудь вопросами к пражанам, они (особенно дети) старались отвечать нам по-русски, охотно выказывали свое желание помочь русским гостям. Это была моя первая встреча со Златой Прагой, которая произвела на меня и моих спутников неизгладимое впечатление.

В Париж мы прилетели 12 декабря. И сразу же окунулись в совершенно новую и во многом необычную для нас жизнь. Со всем маленькая ремарка: учась в МГИМО, мы благодаря статусу, учебным материалам этого заведения и получаемой им зарубежной прессе имели возможность как бы постоянно иметь открытую «форточку» (не «окно», а именно «форточку») на Запад, что само по себе было для нас большой образовательной и общекультурной привилегией. И вдруг, оказавшись в Париже, мы попали прямо-таки на авансцену западного мира, получили возможность воочию познакомиться, говоря словами Бальзака, со всем его «блеском и нищетой».

Полученные за пять лет учебы в МГИМО теоретические знания и практические навыки стали для нас в Париже доброй путеводной звездой, очень нужным деловым багажом, позволяли нам не теряться в новой для нас обстановке и в фактически чужой жизни.

Сразу скажу, что в посольстве, да и во всем коллективе (как тогда говорили, «совколонии» в Париже), нас встретили приветливо, доброжелательно. Посольство той поры было не слишком многочисленным, работало оно очень активно в весьма сложных условиях краха 4-й Французской республики. Возглавлял наше посольство опытный дипломат и видный государственный деятель (в 1950—1953 гг. он был председателем Комитета по радиовещанию при Совете Министров СССР), с 1953 г. он был нашим послом в Париже. К моменту нашего приезда с ним работали всесторонне образованные и высокопрофессиональные дипломаты, многие из которых и сами стали впоследствии послами, — Н.И. Корюкин, В.И. Ерофеев, И.М. Ежов, В.В. Снегирев, В.Л. Кизиченко.

Посол С.А. Виноградов вскоре после нашего прибытия встретился с нами, по-отечески побеседовал, помог в решении практических вопросов. А с остальными дипломатами у нас установились повседневные добрые отношения. Это позволило нам в последующие месяцы достаточно основательно познакомиться с работой практически всех подразделений посольства, консульства, других наших учреждений и советских журналистов в Париже.

Считаю большой жизненной удачей, что попал во Францию, когда эта страна была тяжело больна, фактически на грани национальной катастрофы. Это звучит, наверное, эгоистично, но именно сложность условий в Париже в те месяцы стала для моих сотоварищей и для меня такой школой практической работы, какую трудно было бы пройти за долгие годы спокойной и накатанной обычной дипломатической службы.

А в Париже той поры жизнь кипела, политические страсти накалились до предела, экономика пришла в упадок, колониальная империя трещала по всем швам, правительственные кризисы стали чуть ли не ежемесячными. 4-я республика, родившаяся в условиях, когда Франция вышла из горнила 2-й мировой войны, утратив, по существу, статус великой державы, изжила себя. Ситуация в Париже стала грозовой. Мы следили за кипением страстей не только по прессе, радио и телевидению, но и становясь очевидцами, а порой (несмотря на официальные запреты со стороны нашего руко-

водства) и участниками уличных демонстраций, митингов, разного рода уличных событий.

Это позволило нам увидеть и услышать напрямую многих видных политиков Франции, как сторонников возвращавшегося теперь к власти генерала де Голля, так и его противников. Так, мы побывали на выступлениях Ж. Бидо, Ж. Сустеля, П. Пфимлена, Ж. Помпиду, Ж. Шабан-Дельмаса, М. Дебре и некоторых других деятелей, о которых мы знали еще со школьной и в особенности со студенческой скамьи. Политическая борьба во Франции стала особенно острой после военного путча 13 мая 1958 г. в Алжире. Показательно, что в невиданно мощной демонстрации в Париже, организованной левыми партиями 28 мая, фактически основным был лозунг «Де Голля — в музей, парашютистов — на заводы!». Левые, в том числе и коммунисты, проголосовали вместе с правыми в парламенте 27 мая за создание «антинародного», по их мнению, правительства П. Пфимлена, лишь бы преградить путь де Голлю к власти. Но получив небывало широкое большинство в парламенте, П. Пфимлен на следующий день принимает решение об уходе правительства в отставку, говоря при этом: «Посмотрим в лицо фактам: мы призрачное правительство... Власти у нас нет». В сущности, так оно и было — уже 1 июня генерал де Голль становится главой нового правительства Франции и получает чрезвычайные полномочия. Начинается период острой борьбы за переход к новому режиму в стране — к 5-й референдуме во Франции и в ее колониях уже 28 сентября 1958 г. Особенно острые дебаты шли вокруг будущего статуса Алжира, вообще вокруг судьбы французской империи, самих основ существования французского общества, преодоления как никогда глубокого раскола нации.

По всей стране шли жаркие политические дебаты. Вспоминаю в этой связи один митинг (он был, кажется, в зале «Олимпия»), где главным действующим лицом был Жорж Бидо, хорошо известный тогдашним советским людям по встречам министров иностранных дел четырех держав-победительниц в первые послевоенные годы. Митинг проходил очень бурно. Бидо выступал, естественно, в защиту тезисов генерала де Голля. Поначалу в него полетело достаточно много тухлых яиц и гнилых помидоров. Но он сумел овладеть аудиторией. Говорил при этом внешне даже как-то не очень ярко, но по существу, наверное, задевал души французов. В центре

его высказываний был алжирский вопрос. В конечном итоге закончился этот митинг бурными аплодисментами в адрес Бидо и, соответственно, генерала де Голля. Это была одна из многих тогда побед голлистской ориентации.

Хочу, однако, вернуться к рассказу о том, как мое первое пребывание во Франции расширило мой кругозор, какие интересные встречи выпали тогда на мою долю, как это помогло использовать по жизни приобретенные в МГИМО познания.

Отмечу прежде всего, что мы жадно знакомились с культурной жизнью Парижа, побывали во многих его знаменитых музеях, посещали различные выставки, бегали смотреть новые для нас французские и другие зарубежные фильмы, ходили в театры и на концерты, посетили и похожие на музеи парижские кладбища. 15 января 1958 г. в клубе нашего Торгпредства состоялся просмотр отснятого при участии Сергея Образцова советского документального фильма «Поэт Ив Монтан» о его выступлениях в Москве. На мероприятии присутствовал сам Ив Монтан и его знаменитая супруга — актриса Симона Синьоре. Для нас это была первая личная встреча с зарубежными актерами столь высокого уровня, мы долго разговаривали с ними. Особо хочу упомянуть о том, что мне посчастливилось побывать 24 апреля 1958 г. в «Олимпии» на концерте великой Эдит Пиаф. Публика принимала ее восторженно. Эта маленькая и невзрачная на вид женщина вкладывала в свой неповторимый голос столько души, что мир становился как будто заколдованным. Казалось, что звуки и слова исходят из некоего космоса, все сидевшие в зале были зачарованы этим пением. И когда выступление было закончено, зал поначалу словно бы замер, чтобы потом излить свой восторг долгой и страстной овацией. Я привез с собой из Парижа запись этого концерта на большой пластинке и каждый раз, прослушивая ее, вновь и вновь переживаю незабываемые впечатления того сказочного вечера.

На свои скромные и легковесные студенческие франки нам все же удавалось побывать на концертах еще только восходившей тогда на певческий олимп Далиды и уже пользовавшегося громкой международной славой итальянского квартета Марино Марини. К сожалению, Далида, как известно, в 80-х гг. покончила с собой, квартет Марино Марини со временем распался, а сам он, его создатель и лидер, ушел в мир бизнеса.

Париж той нашей студенческой поры стал местом новых и не совсем обычных встреч и с советской культурой, ее выдающимися

представителями. Там, например, мне пришлось «вживую» познакомиться с К. Симоновым и И. Эренбургом, некоторыми другими советскими писателями и поэтами, с художниками, с представителями мира музыки и танца, в том числе и с Д. Шостаковичем, помогая ему решать некоторые проблемы с его авторскими правами.

Особо врезались в память проходившие в мае — июне 1958 г. гастроли во Франции балета Большого театра. Это была триумфальная его поездка в Европу, успеху которой во многом способствовали выступления нашей несравненной балерины Галины Улановой. Нам посчастливилось побывать на «Ромео и Джульетте», а затем 13 июня быть не только зрителями «Жизели», но и побывать после спектакля за кулисами, познакомиться с самой Галиной Улановой и другими участниками гастролей. Впечатление от спектаклей, от безграничного восхищения взыскательной парижской публики гастролями в целом, от того, как здесь встречали Уланову, то личное впечатление, которое она произвела на нас при знакомстве с ней, — все это казалось каким-то чудесным сном или фантастической явью. В последующие годы мне не раз доводилось встречаться с Г. Улановой, в последний раз мы виделись 18 сентября 1996 г. незадолго до моего отъезда на работу в Ватикан. И вновь мы радостно вспоминали ее выступления в Париже в 1958 г., она говорила мне, что и для нее они остаются одним из самых светлых воспоминаний. Жить ей оставалось всего два года — она скончалась в 1998 г.

Парижский этап стажировки (или, как я себе тогда говорил, «полировки») мгимовца был необычайно богат, хотя мы и поныне упорно твердим, что «холодная война» и «железный занавес» (да еще порожденные якобы лишь по вине СССР) едва ли не полностью перекрывали общение Запад—Восток. Дело было, конечно же, не совсем так. И в этой связи хочу привести 2-3 примера. Так, несмотря на то, что нам, советским студентам, дали возможность присутствовать на дебатах по военным вопросам (!) в Национальном собрании Франции. Посольство оказало большую помощь в работе во Франции ряда крупных советских ученых. Я лично имел поручение переводить и помогать видному советскому профессору-виноделу в его работе в Международном бюро вина (OIV) по признанию статуса шампанского вина за «Советским шампанским», что и было достигнуто. В марте я был переводчиком у советских судей на всемирных конькобежных соревнованиях (победа наших — Жуков!). Особо хочу отметить мою работу и поездку по Франции с академиком Н.В. Цициным — это был крупнейший селекционер и генетик,

оппонент всесильного в те годы академика Т.Д. Лысенко. Но ведь выпустили же Цицина во Францию, где он получил тогда широкую трибуну, я помогал ему по мере сил давать нестандартные интервью, опубликовать в ведущих газетах Франции немало его статей. Пришлось мне побывать переводчиком и у нашего крупного ученого профессора, участвовавшего в Париже на Международном конгрессе по эпизоотии (до этого я и знать-то не знал, что есть такая наука о заболеваниях животных!).

Словом, даже эти примеры показывают, насколько же должны были измениться у нас, выпускников МГИМО, взгляды на современную дипломатию, на то, чем может и должно заниматься посольство и его сотрудники — от посла до референта. И этот парижский урок стал для нас явно одной из главных составляющих в нашем формировании, в нашем новом подходе к ожидавшей нас жизни.

Приближаясь к концу моего повествования, я хотел бы теперь кратко раскрыть, какие четыре долгие мои встречи с МГИМО я имею в виду.

Очевидно, что первая и самая долгая из них — это учеба в стенах нашей *alma mater* в 1952—1958 гг. Это были годы накопления знаний, жизненного опыта, обрастания друзьями (со многими — на всю жизнь). Я испытываю чувство глубокой скорби, что из жизни ушли многие мои первые друзья-«старика» И. Турурушкин (многолетний староста курса), Б. Тогулев, М. Щепланов, М. Орешин, а также мои погодки — супруги Лопатины Ю. и Л., В. Нерубайло, О. Павлов, румын К. Атанасиу. Не стало и многих «нефранцузов», с кем мы дружили долгие годы уже после института, — Е. Новосельцева, А. Алексеевой, Е. Клименко, В. Гусельникова, В. Сухова, В. Васильева, Л. Кузнецова и многих других. О каждом из них хранятся в моей памяти самые теплые воспоминания, иногда забавные истории и разные жизненные курьезы.

Как общественник, я перерос рамки курса, дважды избирался членом комитета ВЛКСМ института, унаследовав в комитете сразу два сектора: учебный — от Саши Брычкова и научный — от Анатолия Громыко. Это расширяло круг моих знакомств и дружеских связей в институте, поэтому жизнь подарила мне впоследствии радость встреч со многими друзьями с восточного факультета и многих друзей с разных курсов обоих тогдашних факультетов. Разумеется, мы подружались и с тогдашним секретарем комитета ВЛКСМ — А. Иевлиевым (он, к сожалению, умер от тяжелой болезни еще во время своего секретарства), с секретарями комитета

О. Гриневским, В. Шустовым, с их заместителями да и вообще с целым большим отрядом комсомольской гвардии института, факультетов и курсов, например, на всю жизнь сохранилась наша дружба с бывшими секретарями комитета ВЛКСМ института В.А. Кузнецовым и И.А. Коноваловым (оба они стали мгимовцами после объединения МГИМО с Институтом внешней торговли)...

Общественная стезя (комитет ВЛКСМ) и особенно две мои тамошние площадки — учебная и научная — нередко сводили меня с руководством института, особенно и чаще всего с заместителями директора, деканами и их заместителями. И хотя мне трудно что-либо сказать по впечатлениям тех лет (1952—1957, до отъезда в Париж) о директорах (поступал я при И.К. Верещагине (1949—1952), но его сразу же сменил И.И. Лобанов (1952—1955), который быстро вернулся в МИД, затем директором краткое время был профессор-ленинградец М.С. Иванов (1955—1958), а заканчивал я при Ф.Д. Рыженко (1958—1963) — это был действительно сильный и волевой руководитель, сделавший для института немало хорошего, но он довольно быстро пошел «на повышение» — возглавил «Ленинскую школу» ЦК КПСС), я по-доброму вспоминаю их всех, включая последующих ректоров. В начале пребывания Ф.Д. Рыженко в МГИМО я улетел на работу в наше посольство в Бельгии, но судьба нас с ним сведет немного спустя — это будет во время моего второго пребывания в МГИМО.

Вспоминая свои еще домгимовские мечты, я должен признаться, что меня тянула к себе не только учеба в МГИМО, но и, пожалуй, даже в большей степени, аспирантура после нашего института. Собственно говоря, от этой мечты я не отказывался и тогда, когда уезжал на стажировку в Париж. Более того, я просил посла С.А. Виноградова дать мне возможность уехать в Москву в апреле — мае, чтобы успеть сдать экзамены и в аспирантуру. Но посол, думая, может быть, и о моем будущем, меня все-таки задержал в Париже до августа. А это означало крушение моих аспирантских планов на этот год. И все же я вернулся к ним — к идее поступления в очную аспирантуру — в 1962 г., когда имел уже опыт мидовской работы, в том числе и в Бельгии. После Брюсселя я попал на работу в I Европейский отдел, откуда я на какое-то время был командирован на работу на XXII съезд КПСС (тоже интересный момент в моей жизни). И на съезде КПСС, и в I ЕО работал я успешно и с перевыполнением круга моих прямых служебных обязанностей — меня привлекали к ряду вопросов по Франции, Италии, к переводам у замести-

телей министра, хотя формально я был закреплен за Бенилюксом, а точнее всего — лишь за Люксембургом.

И вот тут-то я размечтался о научной работе и поставил перед руководством непривычный, чтобы не сказать «неприличный», в те годы вопрос об уходе со штатной работы, да еще в одном из самых престижных отделов МИДа в очную аспирантуру по африканскому отделению с потерей в зарплате. Руководство отдела долго сопротивлялось, но в конце концов я одержал победу и стал очным аспирантом МГИМО.

Это и было моим вторым долгим пребыванием в МГИМО.

Первый год моей аспирантуры на кафедре всеобщей истории прошел плодотворно — я много писал, имел хорошую педнагрузку, подружился с коллегами по кафедре, дружба с которыми сохранилась на десятилетия.

Но весной 1963 г. грянул гром: меня вызвали во Фрунзенский райком партии и потребовали моего согласия на работу освобожденным заместителем секретаря парткома МГИМО (а наш партком находился тогда на правах райкома партии, руководя коллективом в несколько тысяч человек). Мои попытки отказаться от этого предложения были столь же упорными, сколь и безрезультатными — командно-приказная партийная система той поры была хорошо известна.

Новая моя работа была, конечно, интересной и весьма разнообразней — она не только позволила мне узнать практически весь коллектив института, все его руководство, но и тех, кто руководил им из МИДа, из райкома и горкома партии, коллег по другим институтам нашего района. Эта работа позволяла вникать в самые сокровенные дела сложного мгимовского механизма, участвовать в его росте и взрослении. Словом, было трудно, но это была в то же время хорошая жизненная школа, тем более что мне очень повезло с моим секретарем парткома — доцентом, бывшим фронтовиком А.М. Глуховым, с которым и поныне мы остаемся добрыми друзьями.

И все же, взвесив все за и против, я стал вести дело к уходу с этой работы, и выход тут был, по существу, один — возврат в МИД. Мне опять повезло — произошла смена режима, Л.И. Брежнев сменил Н.С. Хрущева; как круги по воде, пошли разные подвижки и перемены на самых разных рабочих уровнях, в том числе в РК и МГК. Мидовское руководство охотно приняло меня обратно и даже дало мне возможность перешагнуть через несколько чинов и рангов. Я снова оказался в родном I ЕО, сначала помощником заведу-

ющего, а затем советником отдела, хотя покидал я его, будучи рядовым атташе.

Попасть в I ЕО было очень престижно, учитывая его вес и роль в министерстве. Я уходил из отдела и вернулся туда при В.Ф. Грубякове. Через месяц после моего возвращения он стал начальником управления кадров МИДа, а на смену ему пришел старший советник министра А.А. Громыко А.Г. Ковалев — будущий первый заместитель министра иностранных дел, игравший в министерстве роль многоопытного и с большими связями «серого кардинала». С ним мне довелось проработать более трех лет и, должен сказать, это была для меня большая, хотя и непростая школа.

Однако в конце 1967 г. я покинул I ЕО и по рекомендации посла СССР в Италии Н.С. Рыжова и двух отделов ЦК КПСС выехал на работу в Италию. Вернувшись из Рима, в силу целого ряда обстоятельств я был по указанию министра А.А. Громыко и совершенно неожиданно для себя назначен заместителем начальника управления кадров — заведующим учебным отделом МИД СССР. На меня возлагались функции по повседневному содействию руководству МИДа в решении многочисленных вопросов, связанных с деятельностью МГИМО, Дипломатической школы, техкурсов МИДа, десятков школ при совпосольстве за рубежом. Словом, это было каждодневное соприкосновение с десятками тысяч людей — от ректоров, профессуры и до студентов, школьников, их родителей, сотен лиц административно-технического персонала. Ко всему этому надо еще добавить и такие проблемы, как начавшаяся в стране очередная перестройка высшего образования, решение связанных с этим многих конкретных и совсем непростых вопросов на уровне подведомственных учебных заведений. Как раз в 1972 г. началось строительство нового комплекса на проспекте Вернадского, который мыслился сначала как совместный комплекс МГИМО — Дипакадемия. Но вскоре разум взял верх, и в одну берлогу не стали селить двух медведей. Началась большая работа по преобразованию Дипломатической школы в Дипломатическую академию, долгие годы успешно работавшую под руководством ректора профессора В.И. Попова. В 1974 г. родилась новая традиция — впервые ректором МГИМО стал не высокопоставленный партийный работник или дипломат, а плоть от плоти института, его выпускник профессор Н.И. Лебедев. Эту традицию закрепили Р.И. Овчинников и А.В. Торкунов — ректор-рекордсмен МГИМО, окончивший институт в 1972 г., ставший его ректором в 1992 г., успешно про-

ведший его сквозь трудные 90-е гг. истекшего века и руководящий им и в наши дни.

Напомню, мне довелось быть, как тогда говорили, «куратором» МГИМО в 1972—1975 гг. Это было, повторюсь, время крупных сдвигов и важных конструктивных перемен в институте, новый этап в его постоянном развитии. Мне приятно сознавать, оглядываясь на прежние годы, что и мне довелось тогда принять непосредственное участие в мгимовских добрых делах тех лет, которые я условно называю для себя «мое третье пришествие в МГИМО».

Потом жизнь надолго развела меня с повседневной судьбой alma mater, хотя я при малейшей возможности участвовал во всех мероприятиях и поддерживал когда прямые, а когда и опосредствованные связи. Было это и когда я работал в Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, и когда был послом в Ирландии, и даже когда оказался в Ватикане. Однако годы и жизнь не стояли на месте, и третье тысячелетие принесло мне новое качество — я стал в 2001 г. послом в отставке.

Впрочем, все заложенное в мою душу и голову еще в МГИМО, закрепленное и расширенное потом дипломатическим опытом не давало мне внутреннего успокоения — мне по-прежнему хотелось активности, писать, встречаться с людьми, высказывать свои суждения по бурлящей вокруг жизни.

И вот в 2003 г. состоялось мое «четвертое пришествие в МГИМО». Я благодарен ректору института, что меня не забыли и пригласили поработать профессором на кафедре истории и политики стран Европы и Америки. Вновь и на законных основаниях я оказался в стенах alma mater, где повстречал многих своих старых коллег и даже сокурсников, получил блестящую возможность познакомиться с новым по духу и содержанию институтом и главное — с тем будущим, которое успешно куется ныне во все молодеющем и бурно развивающемся МГИМО, ставшем теперь и престижным университетом.

Я пишу эти строки о настоящем, упоминаю будущее, но все же ясно, что главное для мемуаристов — это прошлое, во всяком случае, для них самих. И хотя многое хранится в их памяти, заря жизни с годами не мутнеет, не теряет своего давнего и, кажется, вечно очарования. Конечно, былое не вернуть, но оно было, и от него никуда не уйти.

Пожалуй, одним из первых ярких воспоминания о МГИМО остается в памяти сцена, когда наш институт вышагивал по брусчатке Красной площади 7 ноября 1952 г. и стоявший на трибуне

Мавзолея И.В. Сталин привычным жестом руки поприветствовал и нас, и, как тогда многим показалось, было в этом жесте что-то похожее на нечто указующее в будущую жизнь. Тогда это радовало, но скоро стало ясно, как хорошо, что и этот жест, и это тогдашнее восприятие всей сцены растаяли в дымке лет, утратили свою когда-то необоримую силу.

А вот МГИМО — теперь уже университет — остался, уверенно пошел вместе со всей страной своей дорогой, отвергая все мешающее новой жизни, набираясь современного опыта и делая все более нужное для нашей Отчизны дело.

В прошлом МГИМО было немало трудного, несбывшегося, но мгимовцы всегда оставались оптимистами, и жизнь подтвердила верность этой их позиции. Мне хочется закончить словами, написанными в трудном 1956 г. будущими послами и моими друзьями на всю жизнь Н.Н. Соловьевым и Ю.Б. Кашлевым (оба они были с восточного факультета и недавно ушли из жизни) из доброй нашей студенческой песни:

*«Течет века Москва-река,
Над рекой дом от старости кренится,
Пройдут года, но никогда
Наше чувство к нему не изменится!...»*

Да будет так всегда!